

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (Историко-правовой аспект)

© 2012 г. Юрий Владимирович Варфоломеев¹

Краткая аннотация: в статье исследуются главные направления и принципы деятельности Чрезвычайной следственной комиссии, основанные на политико-правовой доктрине Временного правительства. Проблема рассматривается с точки зрения изучения историко-правового опыта расследования противоправных действий правящего класса при смене политических режимов.

Annotation: in this article examines the main directions and principles activity of the Extraordinary Investigation Commission based on the political-legal doctrine of the Temporary Government in terms of studying the historical and legal experience investigating illegal actions of the ruling class after changing political regime.

Ключевые слова: Чрезвычайная следственная комиссия, преемственность, непрерывность правового порядка, законность, принципы деятельности.

Key words: Extraordinary Investigation Commission, continuity of legal order, rule of law, principles of activity.

В феврале 1917-го, после падения русской монархии, казалось, что старый порядок с его законами и системой государственного управления будет или упразднен, или по меньшей мере кардинально изменен. Однако с приходом к власти Временного правительства стало очевидно, что новый режим не стремится к немедленному и коренному перевороту в отечественной юстиции – правовая система продолжала функционировать в соответствии с действовавшим на тот момент законодательством. “Февральская революция, как это ни покажется странным, не произвела кардинального переворота в судебном мире и его воззрениях, – отмечал следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда П.А. Александров. – <...> Временное правительство в этом отношении получило солидное наследство – вполне налаженный технический аппарат, готовый работать в направлении нового строя, тогда казавшийся единственно и исключительно правильным”². Аналогичное мнение высказал и председатель петроградского Совета присяжных поверенных Н.П. Карабчевский, особо подчеркнув в одной из своих речей, что “свергнуть ненавистное и вредное правительство отнюдь не значит

свергнуть законы, веления морали и перевернуть страну вверх дном. Усилия, направленные к этому, ничего общего со святым делом революции, как актом необходимой государственной обороны, не имеют”³.

Известный правовед Б.А. Кистяковский, анализируя сложившуюся в стране после февральских событий 1917 г. правовую ситуацию, отмечал, что “весь гражданский правопорядок сохранил и после переворота свою полную силу. Это совершенно ясно было выражено Временным правительством и в тех актах, которые сопровождали его установление, и в его первых заявлениях”⁴. Продолжалось действие Судебных уставов 1864 г. и Уголовного уложения 1903 г., а также большинство статей Основных законов Российской Империи 1906 г., за исключением тех, которые регламентировали права императора, имущественные и другие права императорской семьи, закрепляли сложившуюся при царе организацию государственного аппарата, права и обязанности важнейших центральных государственных органов, т.е. “утеряли силу только вполне определенные законы”⁵, – уточнял Кистяковский, которые создавали ограничения в правах по религиозным, национальным и сословным основаниям, а также

¹ Профессор кафедры истории государства и права Саратовского государственного университета, доктор исторических наук, доцент (E-mail: ybartho@mail.ru).

² Цит. по: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996. С. 316, 317.

³ Петроградский листок. 1917. 18 июня.

⁴ Кистяковский Б.А. Непрерывность правового порядка // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII (I). С. 8, 9.

⁵ Там же. С. 10.

ограничивали свободу личности и политические права граждан.

Принцип преемственности и непрерывности правового порядка в политике Временного правительства должен был стать основополагающим. “Непрерывность правового порядка, которая до сих пор соблюдалась, должна охраняться и в будущем, – убежденно доказывал Кистяковский. – Только она приведет к тому, что мы не только переживем величайшие государственные потрясения и перевороты, но и создадим более разумный, свободный и справедливый государственно-общественный строй”⁶. Временное правительство не случайно стремилось подчеркнуть легитимность и преемственность своей власти. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы в условиях революционного пароксизма сохранить хрупкое политическое равновесие среди пришедших к власти сил, во-вторых, чтобы удержать радикальные элементы от попыток немедленного революционного “правотворчества” и государственного переустройства страны. Министр юстиции А.Ф. Керенский так сформулировал первоочередную задачу новой власти: “Временное правительство не вправе создавать новых законов, задача его только довести страну до Учредительного собрания, которое уже определит дальнейшую судьбу России и создаст последней новое правительство”⁷.

В соответствии с этой политико-правовой доктриной Временное правительство поставило перед собой в области уголовного законодательства вполне конкретную задачу – отменить лишь те нормы, которые “извращали” дух и принципы Судебной реформы 1864 г. В Министерство юстиции поступало немало предложений о том, чтобы восстановить Судебные уставы в их первоначальном виде, исключив из них различные правовые новеллы более позднего происхождения, являвшиеся своеобразным “наслоением” или “отклонением” от первоначального замысла и искажавшие, по мнению специалистов, авторскую концепцию “отцов судебной реформы”. В русле этих тенденций 23 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление “Об образовании комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве и об учреждении Временного высшего дисциплинарного суда”⁸. Председателем комиссии был назначен А.Ф. Керенский, а его заместителем (и факти-

чески руководителем комиссии) – А.С. Зарудный. В состав комиссии вошли 60 авторитетных и опытных юристов: А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, Н.П. Карабчевский и др. Определяя задачи комиссии, Керенский особо подчеркнул, что выше всего он ставит право и что новый строй должен быть непременно основан на законе и справедливости⁹. Главная задача комиссии заключалась в том, чтобы восстановить Судебные уставы в том виде, к которому стремились их создатели, но по каким-либо причинам не воплотили в жизнь все свои идеи.

Наряду с этим для законотворческой деятельности Временного правительства, по мнению И.А. Исаева, «важное значение имело постановление (август 1917 г.) “О согласовании Свода законов с издаваемыми Временным правительством постановлениями”, определившее критерии для использования в новых условиях законодательства, изданного в период монархии»¹⁰. Так, идея преемственности и непрерывности правопорядка в России фактически стала теоретической платформой, политико-правовой доктриной Временного правительства, в соответствии с которой создавались и функционировали органы власти.

Выступая 7 марта 1917 г. в Москве перед представителями судебных органов и прокуратуры, А.Ф. Керенский сформулировал своеобразное кредо работы нового Министерства юстиции: “Свободная Россия родилась и вместе с нею начала справедливости, законности и свободы судейской совести. Старый порядок низвергнут навеки и безвозвратно. Надо приступить к устройству новой жизни”¹¹. В этот же день министр сделал важное заявление о том, что “все действия старой власти будут расследованы организованной Верховной следственной комиссией, которая откроет перед страной полную картину старой власти”¹². Развивая свои мысли о перспективах следствия над высшими чиновниками царского режима, Керенский особо подчеркнул соблюдение правовых норм: “Я не отступлю от своих принципов, базирующихся на вере в человека, – патетично подчеркнул он. – Основной принцип мой – суд присяжных. Дело бывших министров также будет передано этому суду”¹³. Пожалуй, наиболее точно Керенский поделился своими мыслями по поводу

⁹ См.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Указ. соч. С. 232.

¹⁰ Исаев И.А. История государства и права России. Учеб. М., 2004. С. 540.

¹¹ Гражданин-Министр А.Ф. Керенский. Речи, беседы, письма. М., 1917. С. 10.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же.

⁶ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 10.

⁷ Русская воля. 1917. 14 апр.

⁸ См.: Вестник Временного правительства. 1917. № 50/96.

предстоящей работы комиссии в ответе на вопрос С.В. Завадского “ждет ли он <...> строго судебного отношения к делу или чего-нибудь иного?”. Министр юстиции просто и, как показалось сенатору, искренне сказал, что “желает только раскрытия правды”¹⁴.

Учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц (далее – ЧСК) явилось одним из важнейших нововведений Временного правительства. После завершения своей работы комиссия должна была представить “Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству”, следственные материалы для предания царских чиновников суду и доклад Учредительному собранию¹⁵.

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться “расследование противозаконных по должности действий”, председатель комиссии Н.К. Муравьев уточнял конкретную цель ЧСК – “ликвидация старого режима”¹⁶. Правда, вкладывал он в эту фразу не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае под “ликвидацией старого режима” он имел в виду изобличение и ликвидацию практики нарушения законов, превышения должностных полномочий и др. преступлений высших должностных лиц Российской Империи. Именно за эти “прегрешения” должны были “судить представителей старого режима”¹⁷. На фоне разгула самосудов над бывшими царскими чиновниками Муравьев подчеркнул непреложное главенство закона: “Мы должны позаботиться о том, чтобы их мудро судили и мудро обвинили, если их вина подтвердится”¹⁸. Другими словами, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства должна была помочь новым властям в решении проблемы революционного правосудия над высшими сановниками свергнутого царского режима. От принципов функционирования ЧСК и позиции ее сотрудников во многом зависели как формальная, так и содержательная составляющие будущих судебных процессов.

Таким образом, принципы правовой преемственности и соблюдения законности, принятые в качестве основополагающих в политико-правовой доктрине Временного правительства, легли и в основу деятельности ЧСК. В качестве отправных положений для проведения расследования были приняты тезисы о том, что по отношению к подследственным должен быть применен закон, действовавший на момент совершения преступления, и что закон, отягощающий судьбу обвиняемого, не имеет обратной силы, т.е. ЧСК применила формально юридический подход к понятию “преступного”. В этом вопросе комиссия сочла возможным стать на позиции законодательства Российской Империи и расследовать только такие действия царских чиновников, которые были преступны в момент “их учинения по царским уголовным законам”. Таким образом, комиссия, по сути дела, исключила влияние политической конъюнктуры на свою деятельность.

Принципы, на которые опиралась ЧСК в своей работе, были очень емко и точно выражены ее председателем Н.К. Муравьевым в речи на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Он, в частности, подчеркнул: «Оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима. Можно сказать: “те законы, которые вы написали, вы же в лице высших и центральных ваших представителей их и нарушали”. Вы понимаете, что нам, комиссии, представилось, когда мы пришли к этой мысли, что это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения. И вы понимаете, как с этой точки зрения важна и ценна та позиция, на которую нам удалось стать потому, что при иной точке зрения, если бы суд этот положил в свою основу законы какие-нибудь иные, а не существовавшие тогда, их сторонники могли бы перед всем миром сказать: “да, это – законы ваши, а не наши, это – законы вашего времени, мы жили при других условиях, как же вы хотите карать и наказывать нас за то, что мы сотворили, по законам, установленным уже после того, как вы отогнали нас от власти!»¹⁹.

Таким образом, позиция комиссии становилась неуязвимой именно с точки зрения адекватности и подсудности совершенных правонарушений действующему законодательству. Если бы демократическое правосудие оперировало не суще-

¹⁴ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции. В 22-х т. Т. 11. М., 1991. С. 16.

¹⁵ См.: Вестник. 1917. № 7. 12/25 марта.

¹⁶ Муравьев Н.К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии. Доклад на Первом Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

ствовавшими при самодержавии законами, тогда апологеты царизма могли бы во всеуслышание обвинить Временное правительство, следственную комиссию, а затем и суд в том, что применяемые ими правовые акты – это законы новой власти, в то время как подсудимые жили и работали при другом законодательстве, а значит, и не должны подпадать под юрисдикцию вновь принятых законодательных актов. “С точки зрения комиссии, – отмечал Н.К. Муравьев, – <...> было в высшей степени важно этих лиц старого режима ударить их же собственным оружием, поставить их в такое положение, чтобы они не смогли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории”²⁰.

Еще одним принципом, которым руководствовалось в своей деятельности Временное правительство и Чрезвычайная следственная комиссия, был принцип соблюдения законности. Необходимость соблюдения принципов законности и правовой преемственности обуславливалась тем, что государство, даже в сложный период смены политических режимов, не может существовать вне рамок правового поля. Однако для реформирования правовой системы и законодательства необходима четкая определенность норм права. Правовые нормы не должны зависеть от усмотрения конкретных должностных лиц. Н.К. Муравьев в своем докладе на заседании Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов заявил: “В основу обвинения комиссия полагала наказуемость деяний с точки зрения старого закона, считая принципиально недопустимым преследование за проступки, которые не были в свое время запрещены законом”²¹. Руководствуясь этим положением и объективно рассмотрев дела члена Государственного совета А.С. Стишинского, генерала А.Ф. Зейна и сенатора М.М. Боровитинова, комиссия пришла к заключению, что “следствие не обнаружило в действиях Стишинского никаких преступных деяний. В том же смысле дано заключение следственной комиссии относительно бывшего финляндского генерал-губернатора Зейна и его ближайшего сотрудника сенатора Боровитинова”²².

Подобные действия ЧСК вызывали раздражение и неприятие у радикально настроенной части населения. Необходимость соблюдения законов понималась и признавалась далеко не всеми.

“Как можно было погасить волну слепой ненависти ко всему, что хоть отдаленно напоминало о прежнем царском режиме, ненависти, которую теперь огульно обратили против любой власти? – задавался этим злободневным вопросом А.Ф. Керенский и находил только один ответ. – Новое правительство было лишено какой-либо физической возможности навязать свою волю, и единственным инструментом убеждения, находившимся в его распоряжении, было живое слово...”²³. В связи с этим президиум ЧСК предпринимал энергичные усилия и все возможные меры по охране подсудимых от расправы со стороны ультра-революционных сил, которые понимали задачи революционного правосудия весьма своеобразно, не так, как сотрудники ЧСК. Один из подсудимых А.В. Герасимов, описывая эксцессы “революционного правосудия”, отмечал: “...Солдаты крепостной команды, охранявшие нас, время от времени начинали в коридорах тюрьмы митинговать, громко обсуждая вопрос о том, не проще ли было бы нас не караулить, а просто расстрелять и спустить в Неву”²⁴.

В то же время революционаризация политической обстановки в стране действительно отразилась на ужесточении содержания находящихся под стражей подсудимых ЧСК. Наряду с проверками заключенных, предусмотренными тюремным режимом Петропавловской крепости, участились так называемые инспекции со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов. Самозванные контролеры проводили бесцеремонные и унижительные обыски в камерах высокопоставленных узников крепости, ревниво следили за рационом их питания и условиями содержания. “Стали часто являться с обыском, хотя искать, собственно, было нечего, все было отобрано; только папиросы и книги разрешено было иметь, да и то последние только из крепостной библиотеки”²⁵, – вспоминал заключенный К.Д. Кафафов. Наиболее вопиющий случай произвола со стороны революционно настроенных солдат произошел 20 марта 1917 г., когда, по свидетельству коменданта крепости Г.А. Иванишина, “стрелки запасного батальона 3 Гвардейского Стрелкового полка вошли в Трубецкой бастион, захватным образом взяли ключи, вынесли из камер арестованных все съедобное, их собственную лишнюю

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Русские ведомости. 1917. 17 июня.

²³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 160.

²⁴ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 338.

²⁵ Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 89.

одежду, тюфяки и одеяла, зачислили на довольствие на солдатскую кухню...²⁶

Чтобы разобраться с проблемами соблюдения правил содержания заключенных в крепости, туда 22 марта прибыл А.Ф. Керенский в сопровождении прокурора Петроградской Судебной палаты П.Н. Переверзева. Министр юстиции остался недоволен тем, что ворвавшиеся в Трубецкой бастион революционные стрелки нашли у трех арестованных деньги. "...Выходит, что они действ[ительно] восстановили порядок"²⁷, – раздраженно посетовал Керенский и приказал Переверзеву расследовать, каким образом у арестованных могли остаться деньги. Вместе с тем, самовольным действиям стрелков министр тоже дал адекватную оценку. Керенский потребовал собрать всех солдат, которые ворвались в Трубецкой бастион, и, обращаясь к ним, произнес замечательно твердую, гневную речь. "Никто из вас не призван заниматься самоуправством, – отчитал охрану министр, – вы обязаны поддерживать порядок, а не нарушать его. <...> Вышло так, что мы, восставшие против беспорядков старого режима, сами поступаем хуже старого режима. Мы допускаем насилия и избияния арестованных лиц. Я велел произвести расследование, и всех виновных в этом беспорядке, как начальствующих лиц, так и вас, я отдам под суд. Слушайтесь вашего коменданта, завед[ующего] арестантскими помещениями и друг[их] начальств[ующих] лиц"²⁸.

Словам министра вторил и главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Л. Г. Корнилов, который, по словам полковника Г.А. Иванишина, разъяснял солдатам прописные истины о том, что "воинская часть не может самоуправничать, заниматься самосудом, а тем более употреблять насилие, для этого есть суды. <...> Приказывал подчиняться своим офицерам и исполнять приказания коменданта"²⁹. Увещевания Керенского и Корнилова, а также усилия по укреплению дисциплины среди караула крепости со стороны руководства ЧСК и командования гарнизона на первых порах достигали своей цели, и до поры до времени солдат удавалось удерживать под контролем.

Несмотря на гневную отповедь солдатам и приведение их к порядку, министр и прокурор вынуждены были отреагировать на "выявленные"

факты нарушения режима заключения в крепости. Ссылаясь на то, что часть арестованных не оправдала предоставленное им доверие, Переверзев потребовал от заведующего арестантскими помещениями ужесточения условий содержания заключенных. "Таким образом, – констатировал полковник Иванишин, – ввели в Труб[ецком] бастионе режим почти каторжной тюрьмы: посадили всех на солдатский котел; вместо двух дали по одному матрасу, по одной простыне, по одному полот[енцу]; отняли письменные] принадлежности, всю бумагу, туфли и закуски; одели на них халаты, как на арестантов; передали ключи от всех камер начальнику караула, с тем чтобы без него положительно никто не смел входить в камеры и чтобы за побег арестованного отвечал начальник караула"³⁰.

События в крепости стали достоянием гласности. В некоторых газетах не без злорадного торжества появились сообщения о том, что высокопоставленные узники подвергнуты особо суровому тюремному режиму и находятся под неусыпной охраной "верных" революционных солдат. «Этих "верных" солдат весьма хвалили в печати за их бравоый вид и верность долгу, – отмечал А.А. Демьянов, – от них, дескать, не уйдешь. Действительно, от них уйти было трудно»³¹. Между тем противоречивая информация, поступающая из различных источников, не оставила равнодушной общественность столицы. Председатель Петроградского Совета присяжных поверенных Н.П. Карабчевский обратился 10 апреля 1917 г. к председателю ЧСК Н.К. Муравьеву со следующим заявлением: "Не знаю, насколько эти газетные сообщения верны, насколько верны также комментарии, что этот суровый режим установлен по требованию военной стражи, охраняющей узников в крепости. Но если это так, то я не могу не высказать, что допущение подобного отношения к подследственным и в данном случае даже некоторым доследственным, относительно которых еще не сформулировано обвинение, совершенно недопустимо. Возмущая нравственное чувство, оно едва ли укрепляет доверие к столь ценимому мною новому государственному строю"³².

К решению проблемы обеспечения безопасности подключались и авторитетные политические силы, как, например, депутаты Петросовета. "Временами положение становилось очень напряженным, так что даже приходилось предста-

²⁶ Цит. по: *Марголис А. Д. и др.* Записные книжки полковника Г. А. Иванишина // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 17. М.–СПб., 1994. С. 543, 544.

²⁷ Там же. С. 540.

²⁸ Там же. С. 545.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Демьянов А.А.* Моя служба при Временном правительстве // *Архив русской революции*. В 22-х т. Т. 4. С. 96.

³² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 23–23об.

вителям Совета рабочих депутатов приезжать и успокаивать волновавшихся солдат”³³, – вспоминал один из подследственных А.В. Герасимов и приводил в качестве примера случай, когда депутату Петросовета эсеру А.Р. Гоцу с большим трудом удалось убедить солдат караула отказаться от своих намерений расправиться с заключенными. Незадолго до октябрьского переворота, в октябре 1917 г., чтобы не допустить самосуда со стороны караула солдат-волынцев над А.Д. Протопоповым, находившимся в Николаевском военном госпитале в отделении для психически расстроенных, президиум ЧСК вынужден был обратиться к военному министру генералу А.И. Верховскому и председателю Совета рабочих и солдатских депутатов Л.Д. Троцкому с настойчивым требованием о замене всего караула. “После продолжительных переговоров караул из волынцев был заменен другими солдатами”³⁴, – сообщалось через несколько дней в газете.

Председатель ЧСК, хотя и считал, что в отношении содержащихся под стражей распространялось много непроверенных слухов, которые находили сочувствие в определенной части прессы, тем не менее, категорично отверг любые инсинуации о том, что арестованных мучают, истязают и т.п. “Этим не только никто не занимается, – утверждал он, – но мы считаем, что это не нужно, и это было бы позорно для русского свободного народа. Нужно отгородиться в этом отношении от прежнего, <...> старая власть действовала такими приемами, какими мы действовать не желаем, которые мы принципиально отвергаем”³⁵. При царском режиме следственная власть не вмешивалась в юрисдикцию пенитенциарных органов, но в период демократических преобразований такая отстраненность была чревата непоправимыми последствиями. “Если Комиссия – власть и притом следственная, то законность и нравственная допустимость условий, в которых производится следствие, не могут быть не учтены ею”³⁶, – констатировал Н.П. Карабчевский. В то же время и он, далекий от перипетий крепостной драмы, понимал, что ужесточение режима произошло, возможно, в интересах безопасности самих арестованных в целях ограждения их от самоуправной расправы толпы, обуянной “праведным гневом”. Благодаря тому, что руководство ЧСК держало на контроле вопрос содержания подследственных, и несмотря на мощный идеологический прессинг

революционных изданий и вмешательство радикальных элементов, им удалось отстоять основные права заключенных и, самое главное, уберечь их от революционной расправы.

Вместе с тем преобразованное новой властью тюремное ведомство также уделяло вопросу соблюдения законности в местах заключения неослабное внимание. Один из первых приказов новоиспеченного начальника Главного тюремного управления Министерства юстиции А.А. Жижиленко как раз и был посвящен этой проблеме. “Прошу не забывать, – указывал он подчиненным в приказе, – что главная задача наказания – перевоспитание человека, имевшего несчастье впасть в преступление в силу особенностей своего характера или неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств, и что для надлежащего осуществления этой задачи прежде всего необходимо проявлять гуманность к заключенным. Личное достоинство человека, ставшего гражданином, должно быть признаваемо и в отношении того, кто лишен свободы. Все, что способно умалять это достоинство, должно быть устранено из режима лишения свободы”³⁷.

Всего за десять дней до большевистского переворота, 14 октября 1917 г., на заседании ЧСК было заслушано сообщение Н.К. Муравьева “О необходимости усиления охраны лиц, содержащихся под стражей по постановлениям Комиссии”, после чего ЧСК постановила: “О содержании сделанного сообщения довести в срочном порядке до сведения г. министра юстиции на предмет сношений с представителями других ведомств, которые могут принять соответствующие меры”³⁸. К этому времени по делам, находившимся в производстве комиссии, мера пресечения в качестве лишения свободы в той или иной форме была принята в отношении 17 лиц, и только двое из них – И.Г. Щегловитов и С.П. Белецкий – оставались в заключении в Трубецком бастионе. В одиночной тюрьме “Кресты” содержались семь человек, в арестном доме на Казачьем плацу – три человека, двое находились на лечении в лечебнице и наконец, еще двое из подследственных – под домашним арестом³⁹.

После совещания Н.К. Муравьев незамедлительно направил представление министру юстиции, в котором просил принятия экстренных мер по обеспечению безопасности подследственных

³³ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 338, 339.

³⁴ Общее дело. 1917. 16 окт.

³⁵ Муравьев Н.К. Указ. соч.

³⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10 Л. 23об.

³⁷ Приказ начальника Главного тюремного управления Министерства юстиции от 8 марта 1917 г. // Вестник Временного Правительства. 1917. № 5.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1790. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

³⁹ См.: там же.

ЧСК с привлечением представителей других ведомств, прежде всего военного и Министерства внутренних дел⁴⁰. “Ввиду переживаемого нами тревожного момента и считая, что охрана безопасности этих лиц лежит на ответственности государства, – отмечал Муравьев, – комиссия не могла не остановить свое внимание на том, что охрана этих лиц, в особенности находящихся под домашним арестом и в частных лечебницах, вряд ли может считаться достаточной”⁴¹. В письме он также указал на то, что для обеспечения безопасности всех “подопечных” ЧСК “в распоряжении комиссии не имеется и не может иметься никаких средств, которыми неприкосновенность заключенных могла бы быть обеспечена от возможных случайностей”⁴².

По свидетельству доктора И.И. Манухина, именно благодаря действиям председателя комиссии Н.К. Муравьева из казематов Петропавловской крепости в тюремные больницы или под домашний арест было переведено большинство высокопоставленных заключенных. Таким образом, к моменту октябрьского переворота из 37 подследственных ЧСК под стражей оставались только трое, а именно: “Сухомлинов, приговоренный судом к пожизненному заключению в крепости, Щегловитов, Белецкий <...> – все трое наиболее физически крепкие”⁴³, – уточнял Манухин.

Отсюда можно сделать вывод о том, что согласованные меры руководства Министерства юстиции, ЧСК и пенитенциарной системы России преследовали главную цель – соблюдение всего комплекса правовых норм в отношении заключенных. В то же время все эксцессы, связанные с нарушением закона, безусловно, принадлежали инициативе и самодеятельности революционных масс – солдат и матросов, охранявших арестованных. Поэтому всем подразделениям Министерства юстиции, в том числе и ЧСК, приходилось отстаивать свою правовую деятельность от посягательств радикальных элементов. При этом повышенное внимание ЧСК к вопросу безопасности подследственных было обусловлено необходимостью соблюдения законности, а не политической конъюнктуры.

Проблема соблюдения принципа законности смыкается с вопросом о толковании норм права, в данном случае – в отношении стратегии и правовых норм при расследования деяний, совершен-

ных бывшими царскими сановниками. Другими словами, ответить на вопрос: кому из должностных лиц ЧСК и каким образом разрешено толковать закон. На одном из первых заседаний ЧСК 19 марта 1917 г. Н.Д. Соколов заявил, что в следственной работе Комиссия не должна руководствоваться лишь формально-юридической стороной дела, а призвана “выяснить и более общий вопрос об уголовной ответственности высших должностных лиц в том случае, когда они, действуя исключительно в целях охраны существующего режима, отстаивая его по велению монарха или же по личному побуждению, заведомо нарушают при этом интересы государства и, стремясь спасти форму, сознательно губят ее содержание”. Позиция известного политического защитника вызвала активную полемику, отразившую прямо противоположные суждения по этому вопросу. В итоге по предложению Н.К. Муравьева рассмотрение спорного вопроса о квалификации деяний царских министров как “бездействие власти” или как ее “превышение” было решено передать “на обсуждение юридической консультации при комиссии с приглашением в нее кроме криминалистов также и специалистов по государственному праву”⁴⁴.

В ходе рассмотрения этого вопроса на заседании юридического совещания при ЧСК были высказаны две точки зрения. Профессор С.С. Абрамович-Барановский полагал, что “в действиях министра, исполнявшего веления монарха (с целью ограждения существовавшего режима), едва ли можно обнаружить преступные деяния, ибо поддержание формы правления и ограждение интересов династии нашло свое выражение в законе, изданном в законном порядке, и почиталось столь существенным благом, что покушения на них карались суровыми наказаниями, и таким образом министр осуществлял не одни лишь веления монарха, но и интересы, поставленные под охрану закона вообще”⁴⁵. В то же время Абрамович-Барановский предполагал, что если добросовестность министров исчезала и они преследовали личные интересы династии (имущественные или какие-либо другие корыстные), то в данном случае может возникнуть вопрос и об уголовной наказуемости этих действий. Кроме того, он обратил внимание коллег на то, что “с установлением в 1906 г. процедуры контрассигнования актов верховной власти министрами последние являются ответственными за содержание этих актов и могли бы в случае скрепления актов последней

⁴⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 115.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 114–114 об.

⁴² ГАРФ. Ф. 1790. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–1 об.

⁴³ Манухин И.И. Воспоминания о 1917–1928 гг. // Новый журнал. № 54. 1958. С. 103.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

⁴⁵ Там же. Л. 18 об.

категории отвечать за бездействие власти (а не превышение) выражающее в том, что они, зная, что акты эти пойдут во вред государству, не исполнили лежащей на них по закону обязанности воспрепятствовать их появлению, а механически обратили к исполнению вместо доклада монарху об их вреде и принятию затем соответствующих мер”⁴⁶.

Другую точку зрения высказал присяжный поверенный О.О. Грузенберг, обратив внимание прежде всего на то, что рассматриваемый вопрос усложняется тем, что в нем имеется указание на мотив деятельности министров. Однако, “подобное указание, – по мнению Грузенберга, – лишено всякого значения для определения состава преступления в отличие от двух других случаев, особо в законе указанных в соответствии со ст. 1460 Улож. о нак. В этих условиях ссылка на обсуждение мотива не может иметь места. Точно так же и попытка исходить из понятия интересов государственных, нарушенных министром, не выдерживает критики ввиду субъективности суждения о государственном интересе и пользе”⁴⁷. Основываясь на этом положении, он приходит к выводу, что на первый план следует ставить вопрос о том, имеется ли состав преступления в конкретном деянии. В этом случае, по мнению Грузенберга, следует различать два момента: нарушение конституционного права и нарушение общих норм уголовного закона. “В обоих случаях, – уточнял он, – следует иметь в виду, что высшие должностные лица империи вовсе не были обязаны осуществлять всякое веление монарха, ибо на основании ст. I Основных законов Российской империи даже и до 1906 года не было деспотией, и, следовательно, совершенные ими на основании этих повелений преступные деяния влекут для них установленную законом ответственность”⁴⁸.

Кроме того, было высказано мнение, что при оценке “противогосударственных” преступлений следует учитывать значение контрассигнирования актов бывшего монарха, что фактически устанавливало “действительную ответственность” скрепившего этот акт министра. В то же время Грузенберг, анализируя случаи исполнения незаконного предписания, не мог согласиться с С.С. Абрамовичем-Барановским по поводу наличия в них признаков бездействия власти, исходя из того, что “здесь имеется налицо не превышение, ибо в таких случаях не воздержание, а, на-

против того, полнота действий. Точно так же и в контрассигнировании незаконно изданных актов или в их распубликовании Сенатом усматривается не бездействие, а напротив того, превышение власти”⁴⁹, – делал вывод Грузенберг.

Важно отметить, что приоритет объективности следственного материала был положен в основу организации расследования практически всеми руководителями следственных частей и членами президиума ЧСК. Так, например, опытный криминалист С.В. Завадский не видел возможности устанавливать заранее “положения по методологии следственной работы” и полагал, что для нее хороши все методы, кроме тех, которые не приводят к цели⁵⁰. Наряду с этим С.В. Завадский особо подчеркнул наличие определенных трудностей в деятельности следователей такого специфического органа, как ЧСК, отметив, что их работа была очень своеобразной: “одно – отправляться от факта, имеющего, по видимости, необходимые признаки преступления, и совсем другое – искать в делопроизводственных бумагах, не найдется ли какого-либо уголовно наказуемого деяния”⁵¹.

Подобный метод следственной работы, который председатель ЧСК назвал “криминализацией” деяний, совершенных бывшими высокопоставленными сановниками Российской Империи, нашел понимание и поддержку далеко не у всех сотрудников комиссии. К этому выводу можно прийти на основании сведений, содержащихся в протоколе заседания юридического совещания при ЧСК от 7 апреля 1917 г., где, в частности, зафиксировано, что член юридического совещания Б.Э. Нольде присоединяется к мнению той части его членов, которая считает, что “вне рамок уголовного кодекса не может быть предъявлено каких-либо обвинений, так как все суждения о нарушении истинных интересов народа относятся к области политики и отличаются крайней субъективностью”⁵². О подобном подходе свидетельствует и позиция следователя ЧСК В.С. Оголевца, который категорически высказался за первоочередную важность объективности сведений, полученных в ходе расследования. “Предварительно допроса свидетелей надо изучать документы, <...> бумаги нам все дадут, – считал он. – Всего мы, конечно, не обхватим, нужно уметь выбрать существенное”⁵³.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁵¹ Завадский С.В. Указ. соч. С. 42.

⁵² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁵³ Там же. Л. 23.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

⁴⁸ Там же.

Таким образом, большинство следователей ЧСК отчетливо осознавали, что ставить во главу угла политические моменты, несмотря на существующую конъюнктуру революционного момента, нельзя, так как в противном случае расследования комиссии потеряли бы объективность, а значит, легитимность и доверие общества. Лишь беспристрастность сотрудников ЧСК и соблюдение ими существующих норм права в ходе следственной работы могли обеспечить соблюдение законности.

В то же время недоверие к деятельности юстиции царского режима выражалось (главным образом) в форме пересмотра дел, вызвавших большой общественный резонанс в свое время, так как считалось, что объективного их расследования не было. Особенно это касалось расследования дела бывшего министра юстиции И.Г. Щегловитова. В связи с этим президиум ЧСК предпринял неординарный шаг, обратившись через печатный орган Министерства юстиции «ко всем гражданам Государства Русского, как должностным, так и частным лицам, с просьбою о немедленной присылке ей <...> сведений обо всех известных случаях, в коих при министре юстиции И.Г. Щегловитове было: 1) оказываемо на судей, следователей и чинов прокуратуры воздействие с целью добиться определенного направления или исхода: а) судебных дел, как уголовных, так и гражданских, и б) дисциплинарных производств о чинах судебного ведомства и присяжных поверенных; 2) налагаемо в виде увольнения от службы, перемещения на низшую должность, перевода в другую местность и т.п. взыскание на судей, следователей и чинов прокуратуры за политические убеждения и за служебные действия, не одобрявшиеся министром, как несогласные с общим направлением политики правительства, и 3) испрашиваемо у бывшего царя прекращения до суда уголовных преследований по должностным и общеуголовным преступлениям или помилование кого-либо, возбуждавшее на месте общественное возмущение по тем или иным основаниям. Сообщения могут быть очень кратки, но было бы желательно,

чтобы они содержали точные, по возможности, указания имен, отчеств, фамилий, должностей, дел, дат, а равно и источников, откуда сведения почерпнуты заявителями»⁵⁴.

Кроме того, на распорядительном заседании ЧСК 7 апреля 1917 г. было принято постановление, в соответствии с которым члену ЧСК А.Ф. Романову поручалось: во-первых, «выяснить в кратчайший срок, какие из процессов, возбужденных против должностных лиц при старом режиме, не были доведены до суда, обратив особое внимание на те из них, прекращение которых вызвало в свое время общественное негодование, и просить А.Ф. Романова представить к 8-му апреля план его деятельности в этом направлении». Во-вторых, рассмотреть ему «дело о расстреле рабочих на Ленских золотых приисках на предмет выяснения ответственности бывших должностных лиц за прекращение до суда дела по обвинению виновных в указанном преступлении должностных лиц»⁵⁵. Это свидетельствует о том, что члены ЧСК большое значение придавали необходимости восстановления законности в делах, судебное производство по которым было прекращено в результате противоправных действий представитель царской власти.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что правовой парадигмой Временного правительства и его институтов, таких как ЧСК, была приверженность идее преемственности и непрерывности правопорядка. Руководство и сотрудники ЧСК вопреки давлению радикальных революционных сил старались исключить влияние политической конъюнктуры на ход и результаты проводимого расследования и стремились руководствоваться принципами законности и объективности, которые не позволяли предъявлять политических обвинений подследственным, если таковые не были предусмотрены статьями действовавшего уголовного законодательства России.

⁵⁴ Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 4. Л. 19–19 об.